

Из дневника О.М. Веригиной «Сентябрь 1920 г., прощание с Россией»

2-ого ноября 1920 г.

После страшного холода и ветра, предшествовавших эвакуации, наступила тихая, ясная погода, которою так часто балует нас наша крымская осень и которая совершенно незнакома на севере. Редко встречаются яркие цвета, хоть и приятно, но все же режущие взгляд; но только совершенно не наблюдательный человек не увидит в ней новые, быстро-меняющиеся оттенки и тона. В городе пусто. Редко, редко проходят бледные люди с сосредоточенно-озабоченными лицами; пугливо осматривают они всех встречных и сторонятся даже заколоченных магазинов, словно и за их тяжелыми ставнями притаился "кто-то", невидимый и жуткий. Но паники нет. Не было ее и раньше, когда в Ялте только что узнали о прорыве фронта. / Больше других суетились и хлопотали те люди, которые в мирное, довоенное время величались интеллигентами, а после многочисленных переворотов, после того, как все классы, как будто бы, смешались, не только называли, но и считали себя аристократией. Но настоящие прирожденные аристократы вовсе не суетились. / Тяжелое время многих научило не роптать. Безропотно крестились остающиеся и крестили уезжающих. Никто не задавал вопроса: "Свидимся-ли?" — слишком близко стояла смерть.

На рейде почти не было пароходов, когда генерал В. (*) сошел на мол. Я стояла у самого борта и напряженно вглядывалась в приближающихся людей. Главнокомандующий шел впереди. Резко выделялась его тонкая фигура в генеральской шинели на общем защитном фоне. Вот он равняется с первым пароходом. Уже ясно видно нервное, решительное лицо, так поражающее теперь своей бледностью. Быстро двигается он среди общего беспорядка. Буквально весь мол покрыт овчинами, — в последнюю минуту их велено было оставить. Через каждые два шага стоят покинутые автомобили и телеги, жалобно ржут теперь ненужные, забытые лошади, и в их больших глазах поражают те же отупение и тоска, что видны в эти дни и в людских лицах. Там и сям остающиеся солдаты кидают орудия и оружие в море. В-ль подходит к телеге, наполовину наполненной хлебами. Мгновение — и он на ней. Тысячи глаз впиваются в его глаза, тысячи людей ловят каждое его слово. Надорвано, резко звучит его голос, но в нем слышна та же гордость, которая кричала за две недели до этого, что Крым не может быть взят.

— "Да мы уезжаем из России, но мы не кончили борьбу с большевиками; мы едем к прежним союзникам не побежденными. Мы едем не просить, а требовать помощи, т. к. мы сражались не за одну Россию, но и за всю Европу. Мы уезжаем, но с гордо-поднятой головой". Верит ли кто-нибудь его словам? Нет! Но все хотят верить, все хотят видеть впереди хоть какой-нибудь светлый луч; вот потому-то и солдаты, и офицеры так восторженно смотрят на побежденного генерала, так дружно кричат "ура".

Я вся поддаюсь влиянию толпы, той толпы, которую я так часто презирала. Теперь же каждый солдат был мне близок и дорог, каждое лицо казалось знакомым и родным. Рядом стоял мой брат. Я видела, как дергались его губы,

как дрожали тонкие жилки на лбу. О, и он охвачен общим настроением, — нервные люди никогда не бывают непоколебимы в своих чувствах; каждое легкое дыхание, каждый легкий оттенок заставляет их трепетать, и только очень сильный ум может не следовать изменениям окружающего. Мой брат умен, но ум его такой тонкий; он слишком много чувствует, чтобы всегда рассуждать. "Правы были уехавшие за границу, — говорит он друзьям, — смешно бороться, чувствуя свое бессилие». Не сознает он, что за границей он еще более бы страдал, чем на фронте. О, он высоко ставит себя этот болезненный, худенький мальчик, но лучших своих черт он не знает; ему больше нравятся пороки, и гордость он часто подчеркивает в себе.

В-ль прошел к следующему пароходу "Георгию". Снова раздается резкий, надтреснутый голос. Глядя на него, кажется, что он не выдержит до конца и потеряет сознание. Но вот "Георгий" отходит. Отходит и военный катер В-ля. Крым "тоже снимается с якоря. На нем солдаты ген. Барбовича; храбрый, сплоченный корпус. Пароход накреняется, вздрагивает и медленно отходит от мола. Я стою с правой стороны у самого борта, кругом серьезные, бледные лица".

"Прощай, Россия." — тихо говорит какой-то невзрачный солдатик, и в тревожном молчании его слова служат сигналом: дружно сползают все шапки с хмурых солдатских голов. Почти по всем лицам катятся крупные слезы. Все сердца слились в одно, и с одной стороны парохода грустно раздается "Боже царя храни" ... Одна за другой поднимаются грубые и тонкие руки и творят крестное знаменье — разве гимн не молитва? Разве одно слово - Царь - не святыня? ... Из города доносится громкий звон колоколов. Все оставшиеся друзья и родные в церкви... "Эх, винишка бы выпить!" — раздается откуда-то резкий голос... Каким он кажется чуждым и странным! Пароход равняется с крейсером "Ген. Корнилов". В-ль один на шканцах. Он держит под козырек. "Ура!" — кричат солдаты. "Он не виновен", написано на всех лицах... Прошел час — Крыма не было видно.

Сентябрь 1920 г.
Панчево

(*) Генерал Врангель